

В этот момент он как раз занимался этим.

Чтобы дать Дэ Шуню время подумать, Му Цинфэн взял ножницы и начал подрезать пышно цветущую красную азалию с красными кистями. Ярко-красные цветы, размером с чашу, сияли, словно закат, ослепляя своей красотой.

Легкий звук ножниц, сопровождаемый каплями воды из медного сосуда в углу, казался для Дэ Шуня громовым ударом, словно гигантский топор опускается, чтобы отрубить голову. Он съежился, чувствуя, как по его шее пробегает холод.

Наконец, он решился и опустил голову до пола.

— Ваше высочество, простите меня, я заслуживаю смерти. Я и Яцянъ действительно земляки, но мы были близки. Яцянъ уже получила разрешение от драгоценной супруги Ли стать моей «парой», но, к несчастью, она внезапно скончалась, и это не состоялось. Поэтому я не намеренно скрывал это.

Му Цинфэн положил ножницы, стряхнул с рук немного земли и с удовлетворением осмотрел свою работу. На полу лежали крупные красные цветы, а азалия, которая еще недавно была похожа на закат, теперь была украшена лишь несколькими бутонами, выглядывающими из зелени. Зелень преобладала над красным!

Он неспешно сделал пару шагов, глядя на слегка сторбленные и дрожащие плечи Дэ Шуня.

— Когда Яцянъ сбежала из дворца, она что-то тебе сказала?

Дэ Шунь поднял голову, удивленно глядя на него.

Му Цинфэн усмехнулся.

— Ты хочешь спросить, откуда я знаю, что Яцянъ не умерла, а сбежала, да?

Дэ Шунь кивнул, но, поняв, что это недостаточно почтительно, быстро добавил:

— Да, ваше высочество.

— Потому что я видел ее за пределами дворца!

Дэ Шунь был потрясен.

Му Цинфэн продолжил:

— Дэ Шунь, ты умный человек. Ты должен понимать, что я знаю о драгоценной супруге Ли гораздо больше, чем ты. Если ты скажешь правду, я смогу сохранить жизнь Яцянъ. Если нет, я не буду настаивать. Но если я смогу найти ее, то и другие смогут...

Дэ Шунь внезапно бросился на пол, непрерывно кланяясь.

— Ваше высочество, умоляю вас, спасите Яцянъ! Я расскажу все, что знаю!

Только тогда Му Цинфэн сел и стал слушать, как Дэ Шунь подробно рассказывает о событиях той ночи пять лет назад.

В ту ночь, когда самому младшему восьмому принцу исполнился всего месяц, внезапно пришло

известие, что драгоценная супруга Ли, страдая от послеродовых осложнений, внезапно скончалась.

На следующий день Яцянъ прибежала к Дэ Шуню и сказала, что за один день трое слуг и служанок из дворца драгоценной супруги Ли бесследно исчезли, и скоро очередь дойдет до нее.

Дэ Шунь был в ужасе и спросил, что произошло.

Яцянъ, запинаясь, сказала, что подозревает, что все это дело рук Ван Сыдао, который хочет устранить свидетелей. Дэ Шунь настаивал на объяснениях, но Яцянъ отказалась говорить, утверждая, что чем больше он знает, тем больше опасности.

Она спряталась у Дэ Шуня, и через два дня, на рассвете, с его помощью Яцянъ сбежала из дворца, спрятавшись в телеге с пищевыми отходами. С тех пор они потеряли связь.

Дэ Шунь, уходя, взял с собой полумертвый редкий сорт камелии, объяснив, что князь И поручил ему вернуть его в Цветочную палату для ухода.

На самом деле эта камелия погибала из-за того, что Му Цинфэн часто поливал ее остатками чая.

Садовники резиденции часто приходили в отчаяние, плакали и даже однажды, набравшись смелости, попросили Чжоу Пина напомнить князю. Чжоу Пин ответил, что князь сказал: «Камелия — это чай, как она может существовать без чая?»

После передачи первой партии провизии для северной армии в Министерство финансов спокойная жизнь дома Гу внезапно оказалась нарушена огромной волной, которая чуть не смыла главу семьи Гу!

Вторая жена Гу Цзюньсюаня — Ли Чжэньхэ — сбежала с управляющим Ли Цзюнем!

Эта трагедия произошла в солнечный осенний день. Гу Цзюньсюань, вернувшись после обеда с коллегами из торгового дома, хотел прилечь отдохнуть, чтобы протрезветь.

Войдя в спальню, он обнаружил, что комната разгромлена, словно ее обокрали. Все ящики и шкафы были открыты, вещи валялись на полу.

Вызвав слуг, он спросил, что произошло, но все только переглядывались, не понимая, что случилось.

Служанка, ухаживавшая за второй женой Ли Чжэньхэ, дрожащим голосом сказала, что перед обедом госпожа пожаловалась на головную боль и легла отдыхать, запретив беспокоить ее. Они узнали о происшествии только после криков Гу Цзюньсюаня, и тогда же обнаружили, что госпожи нет в комнате.

К вечеру, после долгих поисков, наконец выяснилось, что это не было ограблением. Это было предательство изнутри — Ли Чжэньхэ и управляющий Ли Цзюнь сбежали, прихватив с собой драгоценности и деньги!

Цзи Цзяньчэнь смеялся так, что чуть не упал на пол.

Гу Шаобай, не выдержав угнетающей атмосферы дома, пришел к Му Люняню, чтобы

выговориться. Неожиданно их подслушал Цзи Цзяньчэнь, который вернулся в самый разгар разговора.

Он смотрел на его смеющееся, словно цветок хризантемы, лицо и едва сдерживался, чтобы не ударить его.

Цзи Цзяньчэнь, потирая почти сведенное судорогой лицо, спросил:

— А этот любовник твоей второй мачехи... он лысый?

Гу Шаобай удивленно посмотрел на него. Откуда он знает?

Цзи Цзяньчэнь сел рядом с Гу Шаобаем.

— Судя по твоему выражению, это так.

Он повернулся к Фан Цинчи.

— Эй, Сяо Фан, помнишь, когда я впервые пришел к тебе в дом Гу... ха-ха... я увидел отвратительную сцену. Эти двое даже сломали кровать. Оказалось, что это была твоя вторая мачеха, ха-ха... лицо было покрашено, как у старой ведьмы, но фигура еще ничего...

Гу Шаобай в гневе встал и вышел, чувствуя, что если останется еще минуту, то не сможет сдержаться. Но он знал, что драться с Цзи Цзяньчэнем — это самоубийство, поэтому решил просто уйти.

Цзи Цзяньчэнь, наблюдая, как он уходит, медленно выпил воды, затем встал и, указывая на Му Люняня и Фан Цинчи, сказал:

— Вы двое, нельзя же смеяться над чужой трагедией... Ладно, ради нашей дружбы, я пойду успокою его.

Сказав это, он выпрыгнул в окно, оставив их в полном недоумении.

Му Люнянь и Фан Цинчи переглянулись. Бывает ли кто-то более бесстыдный?

За воротами была прямая узкая аллея, ведущая к улице.

Гу Шаобай только вышел за ворота, как почувствовал, как его талия сжалась, и он взлетел в воздух. Очнувшись, он обнаружил, что его прижали к грязной стене, а руки Цзи Цзяньчэня держат его за плечи.

Его глаза, похожие на глаза демона, казалось, вот-вот прольются слезами.

— Ты злишься?

Несмотря на их соблазнительный блеск, в них была какая-то угроза. Гу Шаобай, чувствуя, как у него по спине бегут мурашки, отвернулся.

— Нет!

— Ну и хорошо, я просто шутил!

Он слегка пошевелил плечами. Это что, шутка?

— Отпусти.

Цзи Цзяньчэнь опустил руки, наклонив голову так, что его губы почти коснулись лица Гу Шаобая. Теплое дыхание на щеке заставило его сердце биться быстрее. Он не прилагал особых усилий, но Гу Шаобай не мог вырваться.

Близость была настолько сильной, что Гу Шаобай не мог смотреть прямо. Он уперся ладонями в грудь Цзи Цзяньчэня, чувствуя, что его сила по сравнению с мастером боевых искусств ничтожна.

Невозможность изменить ситуацию только усиливала его панику, и в голосе появилась доля гнева.

— Ты мне больно, отпусти!

Цзи Цзяньчэнь, конечно, знал, что сила была рассчитана точно, и не собирался отпускать.

Он словно не услышал и внезапно поцеловал шею Гу Шаобая, которая была открыта из-за того, что тот отвернулся.

Цзи Цзяньчэнь был как демон, обнаживший клыки. Один раз попробовав кровь, он не мог остановиться.

Гу Шаобай действительно разозлился, изо всех сил пытаясь вырваться, его лицо покраснело от гнева. Ощущение боли и покалывания на шее не прекращалось.

Он из последних сил поднял левое колено, чтобы ударить Цзи Цзяньчэня, не думая о том, может ли это его ранить. Единственное, что он хотел, — это избавиться от этого демона.

Но ноги Цзи Цзяньчэня, словно обладая собственным разумом, легко парировали атаку. Затем одна из них проскользнула между ног Гу Шаобая, прижав его к стене так, что он не мог пошевелиться.

На губах Цзи Цзяньчэня появилась капля крови Гу Шаобая. Горячие и влажные губы скользили по шее, ища его губы, которые он отчаянно пытался спрятать.

Внезапно Цзи Цзяньчэнь вскрикнул и отстранился. Его нижняя губа была прокушена, и на ней выступила капля крови.

<http://bllate.org/book/16730/1538914>